

СОЦІОЛОГІЯ

УДК 316.74 : 37 + 94 (470 + 571) "17/1917"

Н. А. Арчебасова

*Волгоградский государственный университет*ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МАССОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

На основе применения социологического и исторического подходов к изучению образования установлены генетические, типологические, процессуальные связи явлений и событий прошлого с современным его состоянием как основного социального института, определен период и сущностные черты институционализации массового образования в России.

Ключевые слова: социология образования, история образования, социальный институт, институционализация, массовое образование, всеобщее обучение, школа, Россия, XIX век.

Сферу образования как феномен человеческой деятельности изучают разные общественные науки: социология, педагогика, психология, философия, история, экономика, демография. Логично брать за основу общественный (социологический) подход и рассчитывать на интеграционные возможности специальной отрасли социологии – социологии образования (Zborovskiy & Shuklina 2005) [10]. Наиболее близкими, а часто взаимосвязанными с ней отраслями социологии являются социология культуры, знания, научного знания, коммуникаций и молодежи. Такое тесное переплетение интересов свидетельствует, что образование является социальным институтом общества. Однако отрасль социологии образования выделилась значительно позже социологии религии, семьи, девиации, мобильности, организаций и, по мнению ученых, сейчас еще находится на стадии становления (Astafev & Shubkin 1998, p. 162) [4, с. 162]. Приоритетным направлением изучения для нее является современность.

Для периода, предшествовавшего научному становлению социологии (рубеж XIX–XX веков) полезно использовать также консолидирующие возможности специализированной отрасли истории – истории образования. Синтез истории и социологии образования позволяет устанавливать генетические, типологические, процессуальные связи явлений и событий прошлого с современным состоянием основного социального института, определить период и сущностные черты институционализации образования.

Теоретико-методологический анализ институционально-ценностной природы и сущности образования представлен в специальных работах (Baturin 2011) [5]. Актуальность исследования институционализации образования в теоретическом и прикладном страноведческом вариантах проявляется в периодических публикациях на эту тему (Ivanova 2011; Sharonova 2004) [12; 28]. Так, В. А. Иванова в статье «Институциональные функции образования: устаревшая или перспективная проблема?» справедливо констатирует, что «социологическое изучение [социальных взаимодействий субъектов образовательной сферы] целесообразно вести в контексте определенного объема институциональных функций образования, что и позволит в итоге создать не отрывочную (обусловленную индивидуальными исследовательскими предпочтениями), а более целостную картину социальной жизни образовательных общностей с точки зрения эффективности тех или иных образовательных программ» (Ivanova 2011, p. 106) [12, с. 106]. Становление социологии образования в качестве научной дисциплины датируют рубежом XIX–XX веков. Возникновение ее

в России приходится на более ранний период, так как «работы, касающиеся социальных аспектов педагогики, появляются в России еще до собственно социологических трудов» (Astafev & Shubkin 1998, p. 163) [4, с. 163].

Пять образовательных реформ XIX века широко обсуждались в России и за рубежом (The great reforms in Russia 1856–1874 1992; Vessel 1890) [6; 7], в средствах массовой информации публиковали многочисленные статьи, посвященные социальным аспектам теории и практики образования. Изучали детали образовательного процесса по хроникам деятельности учебных заведений и Министерства народного просвещения; искали оптимальные варианты обучения разных социальных групп (крепостные крестьяне, заключенные, солдаты); изучали возможности совместного обучения девушек и юношей (Lihacheva 1890–1895) [13]; добились запрещения физических наказаний учащихся и многое другое (Pokotilova 1998) [18].

Разработка научных концепций социализации подростков и женщин складывается только в конце XIX века. Она опирается на социально-статистические исследования чиновников Министерства внутренних дел (А. И. Артемьев, П. И. Мельников (Андрей Печерский)), педагогов-практиков (Н. И. Ильминский, Н. И. Пирогов, В. Я. Стоюнин, К. Д. Ушинский), иерархов Русской Православной церкви (Филарет), высших чиновников Министерства народного просвещения (А. В. Головин, К. К. Грот), земских деятелей (Archebasova 2010a; Ushinskiy 1952; Filaret (Drozdov), mitr., 1873–1885) [3; 24; 26]. К числу обобщающих работ в области социологии образования следует относить «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милокова (Milyukov 1897) [15]. Такая плодотворная деятельность явилась следствием необходимости формирования общественного мнения и профессиональной аналитики в рамках стремительного процесса становления массового образования в России во второй половине XIX века.

Однако последующие политические события в России привели к забвению накопленного материала и опыта изучения отечественной социологии образования до 60-х годов XX века. Оживление отдельных направлений социальной истории (города, семьи, революционных движений) заметно в 80-х годах XX века (Repina 2001, p. 20) [19, с. 20], но образование по-прежнему изучалось преимущественно педагогами и историками. С полным правом основателем советской школы исследователей народного образования можно назвать Э. Д. Днепрову (70–80-е гг. XX века) (Dneprov 1979) [9]. На рубеже XX–XXI веков активизировалась деятельность Центра социологии образования, науки и культуры института социологии РАН, направленная на преодоление междисциплинарной

разобщенности. Однако она касается преимущественно современных проблем среднего и высшего образования.

В учебниках и учебных пособиях общественных наук начала XXI века, выражающих консолидированное, устоявшееся мнение научного сообщества, до сих пор проблемы образования рассматриваются как частные случаи других сфер деятельности общества. Например, в учебном пособии по культурологии (Hoguzhenok 2003, p. 225) [27, с. 225] среди специализированных областей культуры выделены хозяйственная, правовая, научная, искусство, политическая, философская и религиозная, а система общего образования вместе с областью массовой культуры и учреждениями культуры отнесены к каналом трансляции социально значимого опыта. В учебнике по истории русской культуры (Yakovkina 2002, pp. 572–574) [29, с. 572–574] ее важнейшими направлениями представлены просвещение (обучение и образование в типовых и ведущих учебных заведениях), книжное дело, литература, изобразительное искусство, театр. В учебнике по феминологии и гендерной политике (Zuykova & Eruslanova 2004) [11] выделены темы политики, экономики, науки, армии, семьи. Образование рассматривается внутри темы «Женский вопрос и его решение на основе активизации женского движения в России» (Zuykova & Eruslanova 2004, pp. 202–216) [11, с. 202–216]. В учебном пособии по демографии (Demography: Textbook 2007) [8] отмечают недостаточную изученность образовательных показателей: «Один из основных показателей качества населения - это уровень образования. Он также влияет на многие социально-демографические процессы <...> В прошлом изучение уровня образования часто ограничивалось выяснением грамотности населения» (Demography: Textbook 2007, p. 93) [8, с. 93]. Анализ научной и учебной литературы начала XXI века приводит к следующим выводам: значительно расширяются методическая и источниковая базы исследований, происходит интернациональная синхронизация научных интересов, появляются новые междисциплинарные направления (благотворительность, повседневность, мир детства), но образования это касается опосредованно.

Образование как социальный институт общества сформировалось в XII–XV веках, в России только в XVIII–XIX веках (Artamonova 2001) [1]. В XIX веке горизонтальная дифференциация российского общества по социальным слоям, сословиям начинает изменяться на вертикальную по организациям, все более участвующим в регулировании и социализации. Происходят серьезные изменения в образовательной политике Российской империи. Накопленный эффект от государственного обучения чиновников и развития дворянской корпоративной культуры стал ощутимо полезным для всех сословий. Наряду с подражанием элитарной культуре на развитие общественной потребности в образовании оказали влияние расширение сфер применения получаемых знаний и умений (Maslova 2012) [14]; появление интеллигентных профессий; эмансипация женщин и др. Школа для этого периода приобретает статус массовой всесословной организации. Широко зафиксирована практика всесословного начального обучения, когда в одном классе были как личные дворяне, мещане, солдатские дети, так и крепостные крестьяне.

Для России характерно несовпадение этапов развития разных общественных сфер: политики, экономики, социальных отношений, культуры. Многоукладность

отношений являлась типичной практикой жизни. Становление системы массового образования началось ранее массового производства, массовой культуры. Публичные библиотеки, областные музеи, благотворительные концерты, народный театр явились следствием образовательных процессов (Archebasova 2010b) [2].

Институционализация сферы массового школьного образования в России происходит дважды: русской интегрированной в европейское сообщество модели во второй половине XIX века, советской замкнутой модели в 20–50-х гг. XX века. Каждая из них была направлена на реализацию идеи всеобщего равного доступного обучения преимущественно уровня начальной школы. Отрицание преемственности между ними уже не актуально, но социальная значимость первой в современных научных исследованиях практически не учитывается. На фоне модернизации современного образования и возвращения ко многим традициям российской школы полезно вспомнить истоки этих процессов, их социальное значение.

Виды образования – семейное, школьное, внешкольное и другие – определяются по институциональному признаку. Во второй половине XIX века ситуация с приоритетным домашним воспитанием меняется в пользу школьного обучения (Sergeeva 2010) [22]. Последнее стремительно проходит фазу институционализации массовой школы, что было значительным достижением даже для передовых европейских стран. Законодательно оформление сущностных черт массовой школы России наблюдается в правление трех императоров: Александра I, Николая I и Александра II и занимает солидное место в Полном собрании законов Российской империи.

Учебные заведения высшего и среднего образования по роли и месту в системе общественных отношений являлись научно-образовательными центрами. Чиновники и преподаватели (как светские, так и духовные) в них активно занимались научно-исследовательской и методической работой (писали статьи в местные и центральные периодические издания, разрабатывали программно-методические материалы по предметам, проводили научные эксперименты и наблюдения). Начальные учебные заведения должны были руководствоваться разработанными государством способами и методами работы, их деятельность была наиболее стандартизированной (Set of training manuals and educational institutions department of the Ministry of Education 1893) [21].

По отношению к государству все учебные заведения делились на государственные или имеющие государственную аккредитацию общественные и частные. Государственный контроль за последними был очень серьезным. Например, массовое создание и быстрое закрытие воскресных школ в начале 60-х годов XIX века было связано с либерализацией внутренней политики и привлечением широкой общественной инициативы для развития массовой народной школы. Однако отсутствие государственных рычагов контроля за деятельностью воскресных школ и выявленные в некоторых из них нарушения (революционная агитация, использование нелегальной литературы, несоответствие требований к организации учебного процесса и другое) привели к полному запрещению данного вида учебных заведений. Возвращение практики организации воскресных школ происходит в 80-х годах XIX века под руководством и по правилам Святейшего Синода.

Частные учебные заведения должны были получать государственную аккредитацию и отчитываться пред Министерством народного просвещения и Святейшим Синодом. Крестьянские стихийно возникавшие «школки грамоты», обучение детей частными лицами без лицензии попадают под пристальный контроль полиции.

Торжественные публичные «акты» открытия учебных заведений, проведения переводных и выпускных экзаменов подробно описывались в прессе сначала самими преподавателями, а потом профессиональными журналистами. На них в обязательном порядке присутствовали чиновники местной светской и церковной администрации, представители обществности, родители учащихся. Региональные и сводные по империи статистические отчеты о развитии массового образования становятся к последней трети века массовыми опубликованными источниками. Государство в начале XX века регулярно проводит однодневные школьные переписи (*A one-day census of primary schools ... 1913*) [16], во Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года представлен учет сразу нескольких образовательных позиций (*The first general census of the population of the Russian Empire 1904*) [17].

Специально для учреждений образования разрабатываются штаты чиновников и преподавателей, завершается их профессионализация (бюрократизация) (Slotin 2010) [23]. Знаменательно, что впервые учитывается особая роль женщин в воспитании детей и для них открывается возможность поступать на государственную службу наравне с мужчинами. Специфика женской и мужской ролей в образовательном процессе проявлялась в официально утвержденных и нетождественных должностях учителя и учительницы. Именно в сфере образования к началу XX века женщины добились наивысших профессиональных успехов: доминирующего над мужчинами положения в начальных школах; паритетного в средних; права на участие в работе высших.

Структура сферы образования в XIX веке становится иерархичной (министерства и ведомства, округа, дирекции, учреждения), статусно-ролевой (чиновники, преподаватели, попечители, благотворители и пр.), разделение труда всех субъектов процессов обучения и воспитания регламентировано. Для XIX века характерно представление наиболее важных направлений государственного управления по окружному принципу. Наравне с военными и железнодорожными существовали учебные округа во главе с университетами, количество которых неуклонно растет.

На протяжении XIX века наблюдаются два интенсивных по степени проявления и важных по результатам процесса: создание множества новых типов и видов учебных заведений и унификация системы управления ими в двух конкурирующих ведомствах: Министерство народного просвещения и Святейший Синод.

Для сферы образования государством, Русской православной церковью и обществом разрабатываются и приписываются внутренние нормы, специфические средства регулирования и контроля, образцы поведения, которые завершают институционализацию массового образования в Российской империи. Именно тогда политическая благонадежность и нравственно-этические качества стали важными критериями отбора преподавателей; принципы и методы обучения детей были значительно гуманизированы (отмена телесных

наказаний и догматического заучивания материала, расширение творческой активности учителей и учащихся); профессиональные заслуги педагогических деятелей получили государственное и общественное признание (награждение орденами и медалями, карьерный рост, пенсии за выслугу лет).

Цель всех происходящих изменений была понятна и значима для общества - достижение всеобщего доступного начального общего и профессионального образования для всех подростков и военнослужащих. Результатом взаимодействия государства и общества в развитии образования стала привязка имперских методов управления к многонациональной, поликонфессиональной и многоукладной в экономике страной, к их региональной специфике. Так, например, политика русификации всех сфер жизни общества была смягчена для жителей национальных окраин получением права первоначального обучения грамоте на родном языке.

Общественно-ориентированный характер образования становится знаковым для первой половины XIX века и приобретает свою завершенность в земско-общественных и общественно-городских учебных программах. Различные территориальные, сословные, корпоративные типы обществ и их альянсы стремились реализовать свои интересы в сфере образования. Общественная помощь сфере образования по месту в процессе обучения была как предшествующей, так и сопровождающей, и последующей.

В целом, трансформация массового сознания общества под влиянием процессов обучения хорошо прослеживается в дневниковых записях и воспоминаниях – массовом источнике XIX века. В многочисленных общественных дискуссиях о ходе образовательных реформ не было ни одного заявления о ненужности образования вообще, но широко обсуждались вопросы о размерах гарантированного и полезного образования для разных социальных групп.

Кооперативный и организационный эффект от институционализации массового образования в XIX веке весьма значителен. Во-первых, к концу XIX века Российская империя занимала последнее место среди европейских государств по расходам на народное образование (в процентном отношении ведомственных расходов в государственном бюджете) (*The first general census of the population of the Russian Empire 1904*) [17], однако за счет общественной поддержки в 1907 г. начала реализовывать законопроект об обязательном начальном обучении детей. Во-вторых, совместное обучение девочек и мальчиков стало революцией в учебном процессе, так как для женщин были отменены многочисленные профессиональные табу (например, им нельзя было стать врачом, а только медсестрой или повивальной бабкой) и диагнозы (приписываемая им невозможность понять высшую математику и пр.). В-третьих, обществу предоставили возможность самому решать социально значимые вопросы в школе, что привело к открытости образования и его включенности в жизненные практики. Наблюдалось полноправное сотрудничество государства (заказ, финансирование, руководство, организация учебного процесса, подготовка преподавателей, создание учебно-методических пособий) и российского общества (заказ, финансирование, попечительство, контроль учебного процесса, социализация преподавателей, выбор учебно-методических пособий). В-четвертых, от полного разведения понятий общего и профессионального

образования перешли к потребности в их взаимодействия и установлению порядка овладения профессией наряду с или после обучения грамоте. В-пятых, значительное расширение вариантов образования на начальном уровне (более 60 в течение столетия) и поиски оптимального вида на среднем (гимназия против частных пансионов и домашнего обучения) стали проявлением общественной инициативы в регионах. Заинтересованность общества в повышении уровня образования его представителей проявилась в широком спектре благотворительности и попечительства.

Все это вместе позволило укрепить благосостояние российского государства и общества. Можно сказать, что опыт первой институционализации массового образования в России полезен в условиях современного реформирования модели российского образования, ее реинтеграции в международное, преимущественно европейское сообщество. По мнению российских аналитиков данная стратегия управления и реформирования образованием связана с тем, что «в будущей Европе, построенной как общество знаний и экономики (порядок по степени значимости – Н. А.), стратегия «Обучения в течение всей жизни» необходима для придания конкурентоспособности европейской системы образования, использования новых технологий, преодоления социального неравенства, предоставления равных возможностей и поддержания высокого уровня жизни» (Education Reforms: Analytical Survey 2003 p. 9) [20, с. 9].

В связи с внедрением данной концепции актуализация исторического опыта России XIX века в социологии образования необходима по широкому спектру тем. Так, наряду с первой институционализацией массового образования оказались забыты и идеи инклюзивного обучения, представляемого сегодня как новая концепция организации учебного процесса, хотя создание доступной среды обучения для возможно большего числа учащихся являлось программной установкой образовательных реформ XIX–XX веков.

Библиографические ссылки

1. Артамонова, Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции 18 – начала 19 века: (Юго-Восточные губернии Европейской России) / Л. М. Артамонова. – Самара: Издательство Самарского научного центра Российской академии наук, 2001. – 391 с.
2. Арчебасова, Н. А. Взаимодействие школьных и публичных библиотек России XIX века в процессе распространения народной грамотности / Н. А. Арчебасова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2010. – № 2 (18). – С. 30–37.
3. Арчебасова, Н. А. Провинциальное общество Поволжья середины XIX века глазами столичного чиновника (по дневниковым записям начальника статистической экспедиции МВД) / Н. А. Арчебасова // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 9–10 ноября 2010 г. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2010. – С. 34–42.
4. Астафьев, Я. Социология образования / Я. Астафьев, В. Шубкин // Социология в России. 2-е издание, перераб. и доп. / отв. Ред. Ядов В.А. – М.: ИС РосАН, 1998. – 162–171.
5. Батурин, В. К. Социология образования / В. К. Батурин. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 192 с.
6. Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, А. Дж. Бушнелла. – Москва: Издательство Московского государственного университета,

1992. – 336 с.

7. Вессель, Н. Х. Начальное образование и средние училища в Западной Европе и в России в XIX столетии / Н. Х. Вессель // Русская школа. – 1890. – № 2. – С. 20–41; Там же. – 1891. – № 7–8. – С. 36–47; № 9. – С. 19–35; № 10. – С. 10–22; № 11. – С. 7–21; № 12. – С. 12–44.

8. Демография: учебное пособие / кол. авт.; под ред. проф. В. Г. Глушковой. – 3-е изд. – М.: КНОРУС, 2007. – 304 с.

9. Днепров, Э. Д. Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. 1918–1977: библиографический указатель / Э. Д. Днепров. – Москва: Издательство Научно-исследовательского института общей педагогики, 1979. – С. XX.

10. Зборовский, Г. Е. Социология образования / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. – М.: Гардарики, 2005. – 384 с.

11. Зуйкова, Е. М. Феминология и гендерная политика: Учебник / Е. М. Зуйкова, Р. И. Ерусланова. – М.: Современный гуманитарный университет, 2004. – 265 с.

12. Иванова, В. А. Институциональные функции образования: устаревшая или перспективная проблема? / В. А. Иванова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 3 (56). – С. 104–118. – Режим доступа: www.jourssa.ru/.../2011_3/Ivanova_2011_3.pdf

13. Лихачева, Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). Кн. 1–4 / Е. О. Лихачева. – Санкт-Петербург, 1890–1895.

14. Маслова, И. В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в.: монография / И. В. Маслова. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 352 с.

15. Милоков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х томах. / П. Н. Милоков. – Санкт-Петербург: Издательство И. Н. Скороходова, 1897. – Т. 2., ч. 2.: Школа и просвещение – 375 с.

16. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. – Вып. 6. Казанский учебный округ. – СПб., – 1913.

17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи / под рук. Н. А. Тройницкого. 1897 г. – Саратов, 1904 – Т. XXXVIII: Саратовская губерния.

18. Покотилова, Т. Е. Благотворительная деятельность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт: дис. ... д. истор. наук: 07.00.02 / Т. Е. Покотилова. – Ставрополь, 1998. – 443 с. – Режим доступа: <http://dissertacii.com/292229>

19. Репина, Л. П. Социальная история в современной историографии (методические материалы к спецкурсу) / Л. П. Репина. – Москва, 2001. – 32 с.

20. Реформы образования: Аналитический обзор / под ред. В. М. Филиппова. – М.: Центр сравнительной образовательной политики, 2003. – 303 с.

21. Свод уставов учебных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. II. – СПб., 1893.

22. Сергеева, С. В. История домашнего образования и частной школы в России (последняя четверть XVIII в. – первая половина XI в.): монография / С. В. Сергеева. – Пенза: ПГТА, 2010. – 258 с.

23. Слотин, В. Е. Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в.: на материалах Казанского учебного округа: дис. ... канд. истор. н.: 07.00.02 / Слотин Владимир Евгеньевич; [Удмуртский государственный университет]. – Киров, 2010. – 243 с. – Режим доступа: <http://dissertacii.com/22959>

24. Ушинский, К. Д. Собрание сочинений в 11 томах / К. Д. Ушинский. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952.

25. Фальборк, Г. Народное образование в России / Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – Санкт-Петербург, 1899.

26. Филарет (Дроздов), митр. Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: В 5 т. / митр. Филарет (Дроздов) М: Типография А. И. Мамонтова и К., 1873–1885.

27. Хоруженок, К. М. Культурология: Структурно-логические схемы / К. М. Хоруженок. – М.: Издательство

ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 336 с.

28. Шаронова, С. А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества / С. А. Шаронова. – М.: Издательство РУДН, 2004 – 357 с.

29. Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век. 2-е изд., стер./ Н. И. Яковкина. – СПб.: Издательство «Лань», 2002. – 576 с.

Арчебасова Н. А. Інституціоналізація масової освіти у Російській імперії.

На основі застосування соціологічного та історичного підходів до вивчення освіти встановлені генетичні, типологічні, процесуальні зв'язки явищ і подій минулого з сучасним її станом як основного соціального інституту, визначено період і сутнісні риси інституціоналізації масової освіти в Росії.

Ключові слова: соціологія освіти, історія освіти, соціальний інститут, інституціоналізація, масова освіта, загальне навчання, школа, Росія, XIX століття.

Archebasova N. A. Institutionalization mass education in the Russian empire

Education as a social institution of society was formed in 12–15 centuries, in Russia only in the 18–19 centuries. On the basis of sociological and historical approaches to the study of education established genetic, typological, procedural context of phenomena and events of the past with its present condition as a basic social institution, defined period and the essential features of the institutionalization of mass education in Russia.

The institutionalization of the field of mass schooling in Russia is twice Russian integrated into the European model in the second half of the XIX century, the Soviet closed model in the 20–50's. XX century. Each of them was directed to implement the idea of universal and equal access to education mainly primary school level. Denial of continuity between them is no longer relevant, but the social significance of the first in the modern scientific research is almost ignored.

Co-operative and organizational effects of institutionalization of mass education in the 19th century is significant. By the late 19th century, the Russian Empire was the last among the European states for the costs of public education, but at the expense of public support in 1907 began to implement the bill on compulsory primary education of children. The goal of all of these changes was understandable and meaningful to the community – to achieve universal access to primary general and professional education for all young people and the military. The result of interaction between the state and society in the development of education has become binding imperial management of a multinational, multicultural and multi-faith in the economy of the country, to their regional specificities.

Against the background of the modernization of modern education and the return to the many traditions of the Russian school is useful to recall the origins of these processes, their social value.

Keywords: sociology of education, history of education, social institution, institutionalization, mass education, general education, school, Russia, XIX century.

References

Archebasova, NA 2010a, 'Provintsiyalnoe obschestvo Povolzhya serediny XIX veka glazami stolichnogo chinovnika' (po dnevnikovym zapisyam nachalnika statisticheskoy ekspeditsii MVD) [Provincial society Volga middle of the XIX century through the eyes of officials of the capital (as diaries chief statistical expedition MIA)], in *Obschestvennyye otnosheniya v usloviyah stanovleniya grazhdanskogo obschestva: sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Public Relations in the development of civil society: a collection of articles Russian scientific and practical conference], g. Volgograd, 9–10 noyabrya 2010 g., Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 34–42.

Archebasova, NA 2010b, 'Vzaimodeystvie shkolnyh i publichnyh bibliotek Rossii XIX veka v protsesse rasprostraneniya

narodnoy gramotnosti' [Interaction of school and public libraries Russian XIX century in the dissemination of literacy among the people], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International relations], № 2 (18), p. 30–37.

Artamonova, LM 2001, *Obschestvo, vlast i prosveschenie v russkoy provintsii 18 – nachala 19 veka: (Yugo-Vostochnyye gubernii Evropeyskoy Rossii)* [Society, power, and education in the Russian province of 18th – early 19th century (southeastern province of European Russia)], Izdatelstvo Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, Samara.

Astafev, Ya & Shubkin, V 1998, *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], Sotsiologiya v Rossii. 2-e izdanie, pererab. i dop., IS RosAN publ, Moskov, pp. 162–171.

Baturin, VK 2011, *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], Yuniti-Dana publ, Moskov.

Demografiya: uchebnoe posobie [Demography: Textbook], 2007, Ed by prof. V.G. Glushkovoy, KNORUS, Moskov.

Dneprov, ED 1979, *Sovetskaya literatura po istorii shkoly i pedagogiki dorevolutsionnoy Rossii. 1918–1977: bibliograficheskiy ukazatel* [Soviet literature on the history of the school and pedagogy of pre-revolutionary Russia. 1918–1977: a bibliography], Izdatelstvo Nauchno-issledovatel'skogo instituta obschey pedagogiki, Moskov.

Fal'bork, G 1899, *Narodnoe obrazovanie v Rossii* [Education in Russia], Sankt-Petersburg.

Filaret (Drozdov), mitr., 1873–1885. *Sochineniya Filareta, Mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo: Slova i rechi: V 5 t.* [Works Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna: Words and Speech], Tipografiya A. I. Mamontova i K., Moskov.

Horuzhenok, KM 2003, *Kulturologiya: Strukturno-logicheskie shemy* [Cultural Studies: Structural and logic], Izdatelstvo VLADOS-PRESS, Moskov.

Ivanova, VA 2011, 'Institutsionalnyye funktsii obrazovaniya: ustarevshaya ili perspektivnaya problema?' [Institutional functions of education: an old problem or perspective?], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, № 3 (56), pp. 104–118, viewed May, 30: <www.jourssa.ru/.../2011_3/Ivanova_2011_3.pdf>

Lihacheva, EO 1890–1895, *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (1086–1856)* [Materials for the history of women's education in Russia (1086–1856)]. Kn. 1–4, Sankt-Petersburg.

Maslova, IV 2012, *Mentalitet kupechestva uezdnyh gorodov Vyatskoy gubernii XIX – nachala XX v.: monografiya* [Mentality merchants county-level cities Vyatka province XIX – early XX century.: Monograph], Flinta: Nauka publ, Moskva.

Milyukov, PN 1897, *Ocherki po istorii russkoy kulturyi:* [Essays on the history of Russian culture] v 3-h tomah, T. 2., ch. 2. Shkola i prosveschenie [School and education], Izdatelstvo I. N. Skorohodova, St Petersburg.

Odnodnevnyaya perepis nachalnyh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 g. [A one-day census of primary schools in the empire produced 18 January 1911], 1913. Vyip. 6. Kazanskiy uchebnyy okrug. Saint Petersburg.

Reformy obrazovaniya: Analiticheskyy obzor [Education Reforms: Analytical Survey], 2003. Ed by V. M. Filippova, Tsentr sravnitel'noy obrazovatel'noy politiki, Moskov.

Repina, LP 2001, *Sotsialnaya istoriya v sovremennoy istoriografii (metodicheskie materialy k spetskursu)* [Social history in modern historiography (teaching materials for the course)], Moskov.

Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii [The first general census of the population of the Russian Empire], 1904. T. XXXVIII. Saratovskaya guberniya. Saratov.

Pokotilova, TE 1998, *Blagotvoritel'naya deyatelnost v sotsialnoy istorii dorevolutsionnoy Rossii: mirovozzrenie i istoricheskiy opyt* [Charitable activities in the social history of pre-revolutionary Russia: ideology and historical experience]: diss, Stavropol, viewed May, 30: <<http://dissertacii.com/292229>>

Sergeeva, SV 2010, *Istoriya domashnego obrazovaniya i chastnoy shkoly v Rossii (poslednyaya chetvert XVIII v. – pervaya polovina XI v.): monografiya* [History of home education and private schools in Russia (the last quarter of the eighteenth century. – The first half of the eleventh century.): Monograph], PGTA, Penza.

Sharonova, SA 2004, *Universalnye konstanty instituta obrazovaniya - mehanizm vosпроизводства obschestva* [Universal constants Institute of Education - the mechanism of reproduction of society], Izdatelstvo RUDN, Moscow.

Slotin, VE 2010, *Provintsialnoe uchilishchnoe chinovnichestvo Rossii v XIX v.: na materialah Kazanskogo uchebnogo okruga* [Provincial school officials of Russia in the XIX century.: On materials Kazan School District]: diss, viewed: <<http://dissertacii.com/22959>>

Svod ustavov uchebnykh uchrezhdeniy i uchebnykh zavedeniy vedomstva Ministerstva narodnogo prosvetsheniya [Set of training manuals and educational institutions department of the Ministry of Education], 1893. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. II, St Petersburg.

Ushinskiy, KD 1952, *Sobranie sochineniy v 11 tomah* [Collected works in 11 volumes], Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, Moscow.

Velikie reformy v Rossii. 1856–1874, 1992 [The great reforms UDK 316.654:378.4

in Russia. 1856–1874]. Ed. by. L. G. Zaharovoy, B. Eklofa, A. Dzh. Bushnella, Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow.

Vessel, NH 1890, *Nachalnoe obrazovanie i srednie uchilishcha v Zapadnoy Evrope i v Rossii v XIX stoletii* [Primary education and secondary schools in Western Europe and in Russia in XIX century], Russkaya shkola publ, № 2. pp. 20–41;

Yakovkina, NI 2002, *Istoriya russkoy kultury XIX vek*. [History of Russian Culture: XIX century]: 2-e izd., ster., Izdatelstvo «Lan», Saint Petersburg.

Zborovskiy, GE & Shuklina, EA 2005, *Sotsiologiya* [Sociology of Education], Gardariki, Moscow.

Zuykova, EM & Eruslanova, RI 2004, *Feminologiya i gendernaya politika: Uchebnik* [Feminology and gender policies: Textbook], Sovremenniyiy gumanitarniy universitet, Moscow.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

А. В. Гилюн

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНТОВ ДНУ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

В статье на основе материалов эмпирического социологического исследования анализируются особенности социального самочувствия студенческой молодежи ДНУ имени Олеся Гончара.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, социальная защищенность, уверенность в будущем.

Проблема социального самочувствия молодежи, студенчества в частности, является одной из непростых в отечественной социальной науке и практике. Студенческая молодежь как специфическая социальная общность занимает двойственное положение в обществе: с одной стороны, по уровню соотношения доходов и потребностей это одна из наиболее социально уязвимых групп населения, с другой – лидирующая. Студенчество представляет собой особую социокультурную общность, которая коренным образом определяет перспективы развития страны и уже сейчас влияет на формирование социального сознания всего населения. Студентам свойственна повышенная социальная активность и социальный динамизм, поскольку молодые люди по природе своей открыты новому, способны к нетрадиционным, инновационным решениям.

В последние десятилетия основные характеристики студенческой молодежи как социальной группы подвергаются значительным изменениям, что обусловлено трансформацией всего украинского общества, кризисом системы образования и воспитания, ослаблением культурно-исторических традиций и межпоколенческой преемственности. Социальное самочувствие студентов также меняется.

Социальное самочувствие является важным фактором социального порядка в обществе и государстве, поскольку жизнеспособность и стабильность общества зависят от того, как чувствуют себя его граждане. Анализ феномена «социальное самочувствие» представляется чрезвычайно актуальным сегодня, поскольку именно уровень социального самочувствия различных групп населения выступает обобщающим показателем результативности проводимых в стране реформ, реформ сферы образования в частности.

Изучением социального самочувствия различных групп населения в условиях социальных изменений активно занялись еще советские обществоведы в период перестройки. С тех пор на постсоветском пространстве проведено немало таких исследований. Однако, как справедливо заметила Л. Е. Петрова, существуют

проблемы с использованием термина «социальное самочувствие» для целей социологического анализа. Первая связана с тем, что этот термин стал употребляться непомерно часто и приобрел черты размытости, вторая – с «психологизацией» социального самочувствия, сведением его почти буквально к «чувству» (Petрова 2000; p. 50) [5, с. 50].

В то же время следует отметить, что в отечественной и зарубежной социологии существует методологическая база для выявления социологического смысла понятия «социальное самочувствие» и специфики социологического подхода к его изучению. Например, О. Л. Барская, Б. А. Грушин, Т. М. Дридзе, И. Т. Левыкин, Э. А. Орлова, А. К. Уледов с позиций социологического подхода социальное самочувствие рассмотрели в рамках концепции образа жизни. Важное методологическое значение для конструирования представления о социальном самочувствии имеет книга Ж. Тощенко и С. Харченко «Социальное настроение», посвященная понятию, комплементарному по отношению к «социальному самочувствию» (Toschenko & Harchenko 1996) [6]. Для эвристического использования концепции социального самочувствия в изучении современного украинского общества большое значение имеет работа Е. И. Головахи и Н. В. Паниной «Интегральный индекс социального самочувствия» (Golovaha & Panina 1997) [2].

Чаще всего социальное самочувствие социологами определяется через понятие удовлетворенности человека различными сторонами жизни, как отражение образа жизни, как интегральная удовлетворенность жизнью (Davyidova 1992; Orlova 1998) [3; 4]. Л. Е. Петрова социальное самочувствие определяет как синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемой содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворения смысло-жизненных потребностей (удовлетворенность реализации жизненной стратегии). Таким образом, самочувствие рассматривается в качестве определенного результата рефлексии человеком собственной жизни,